

ГрОб-Хроники | МК-Бульвар № 42 (126) — Людей не жалко... Неформатная Революция

Людей не жалко...

«Гражданская Оборона» сменила русские шинели на Американский камуфляж

НЕФОРМАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В Москве Егор Летов был проездом — перед концертом в Питере заехал к старшему брату Сергею на день рождения. Все говорили: Летов завязал, Летов завязал, общаться с ним невозможно... Но практика показала обратное.

Для начала директор группы прямо намекнул — неплохо бы поставить что-нибудь для поддержания, так сказать, разговора. Сошлись на бутылке “Смирновской” и закуске.

На следующую встречу, Егор тоже опоздал, но уже по другой причине. Застрял на книжной ярмарке в “Олимпийском”. Он выглядел почти довольным: купил “последнего” Умберто Эко, Павича, хотел, правда, еще Керуака, но не нашел. Сквозь толпу людей мы отправились к ближайшему скверу, чтобы сесть там на лавочку. На маленького щуплого Летова в потертой зеленой курточке и старых штанах никто не обращал внимания. Лет пять назад одна телекомпания сняла и показала три фильма о трех музыкантах, которые оказали наибольшее влияние на “современную молодежь” и стали символами своего поколения. Были сняты фильмы о Макаревиче, о Гребенщикове. Догадайтесь, кто был третьим?

Не поверите... Богдан Титомир. Сейчас вряд ли кто-то вспомнит, что он пел и как он выглядит. На наш взгляд, третьим в списке, как бы противно это ни было Макаревичу с БГ, да и самому Егору, должен был быть Летов.

“Мы ведем нечто вроде партизанской террористической войны”

— Егор, как-то ты сказал: **“Я сделал рок революцию, а ее никто или почти никто не заметил”**. В чем именно она заключалась?

— Вот Махно тоже считал, что в 1919 году совершил третью мировую революцию. И в принципе так оно и было. То, что он хотел сделать, сделал. Это был первый в истории прецедент свободного государства и действительно коммунизма. Мы тоже сделали революцию. Но не то, что ее никто не заметил. Кому надо, те заметили. Например, наши поклонники. Просто эту революцию не приняло большинство комфортно настроенного народа. И всякие критики троицкие сделали максимально, чтобы это задавить. Но люди, которые все поняли и приняли, стали консолидироваться в подпольные группировки. И эта консолидация, я считаю, сейчас достигла апогея. Возникла новая формация, новый народ, который не принимает “красных пиджаков” и той “культуры”, которую сейчас навязывают. Вернее, которая уже навязана всем безвозвратно. Я имею в виду то, что представляет собой сейчас Москва, телевидение наше, газеты, радио, политика и т. д.

*“Гражданская Оборона” образца 1988 года:
Егор Летов, Евгений Староватов, Игорь Жевтун, Аркадий Климкин.*

— **А ты считаешь, что вы вне этого всего?**

— Да, я вне этого всего. Мы все вне этого всего. Мы представляем массивное движение, правда, без какого-то лидера. Это активное агрессивное бездействие по отношению к системе. Мы ведем нечто вроде партизанской террористической войны. Террористической не в смысле последних событий, а в смысле глобальном. Время от времени мы появляемся и проводим акции и опять же уходим в леса.

— **А против кого вы ведете эту войну?**

— Война ведётся по большому счету против всеобщего человеческого конформизма

— **Значит, агрессия — это основа вашего движения?**

— Агрессия — это проявление жизни. Агрессия может быть разная. Она может быть конструктивная. А агрессия какого-нибудь Басаева — это агрессия ублюдочная, которую надо просто уничтожить безжалостно. Наша агрессия — это то, что помогает жить, выжить и радоваться жизни.

“Мне сейчас просто глупо быть нападающим”

— **В этом году “Гражданской Обороне” исполняется 15 лет...**

— Раньше мы вообще никогда не отмечали свои юбилеи. Когда группе исполнилось 10 лет, мы об этом вспомнили совершенно случайно, но почему-то перепутали дату. Вместо 8 ноября отпраздновали и дали концерт 8 декабря. То ли замкнуло, то ли странная такая непонятка случилась. Так что и на этот раз юбилейные концерты пройдут в Москве тоже в декабре. И будет целый тур по стране, начиная от Новосибирска и заканчивая, возможно, Прибалтикой.

— **Решили, значит, продолжать традицию?**

— Да, на самом деле это печальная традиция. Если так подумать и сравнить, сколько играли “Битлз” или сколько играли “Дорз”, то мы играем в два раза дольше, чем “Битлз”, и в три — чем “Дорз”. Так что это не такое уж радостное событие на самом деле. Я считаю, что рок, и особенно тот рок экстремальный, который играем мы, — это что-то вроде футбола. А футболист в 35 лет это уже не то, что в 20–25. Мне сейчас легче быть продюсером, тренером, так сказать, команды, чем нападающим. И самое главное, что мне сейчас просто глупо быть нападающим. Это

занятие молодое. То есть в 35 лет нужно выглядеть так, как выглядят в 35. И жить так, как живут в 35. А не выжимать из себя некоторые вещи, которые уже не особо хочется делать.

— **А как все началось в 1984 году? Тогда вы все были молоды и...**

— Когда, собственно говоря, все начиналось, идея была такая. Мы люди очень наслушанные и начитанные. У меня дома, может быть, 500 компактв и в два раза больше аудиокассет. Книжки ставить просто некуда — даже пришлось между двумя комнатами стенку сломать. И из того, что я слышал, видел, читал снаружи, мне всегда чего-то не хватало. То есть мне хотелось услышать группу, которая мне бы идеально нравилась. Но этого не было, и я решил сделать все сам. Началось все со стихов, с рассказов. Позднее, когда первые альбомы по-настоящему свои — это “Мышеловка”, “Тоталитаризм”, “Некрофилия”, — я играл на всех инструментах один и вообще делал все сам. Мне все до такой степени нравилось, что я просто прекращал запись и начинал скакать и подпрыгивать от радости до потолка.

— **За эти годы в “Гражданской Обороне” переиграло огромное количество народа. Кто работает с тобой сейчас?**

— Сейчас из основателей группы остался только я. Скоро будет новый состав: я на гитаре, Наташа, моя жена, на басы, она басистка из панк-группы новосибирской. На саксофоне мой старший брат Сергей и на ударных Миша Жуков — по-моему, это лучший барабанщик Союза, а может быть, и мира. И мы убиваем как бы одним выстрелом двух зайцев — у нас получится и авангард, и панк.

— **Такой почти семейной группой вы будете писать новый альбом...**

— Да, будет скоро альбом. Но я не пишу, а записываю зараз. Для этого нужны были музыканты, а их не было полтора года вообще. Я был один. Если бы я стал писать по-прежнему, это вышел бы очередной сольник, а мне этого не хотелось. Это было бы топтание на месте. Мне хотелось, чтобы были новые влияния, новая кровь. Сейчас наконец это произошло. Хочется, чтобы все было гораздо больше и глубже осмыслено и отфильтровано. Раньше были песни, за которые мне не то что стыдно, но их можно было не писать или, во всяком случае, не записывать.

— **И много таких песен?**

— Много. Но если по большому счету, то ни за что не стыдно. Все, что было, оно было к месту и ко времени. Сейчас бы я не стал что-то делать, а тогда всё бы повторил заново и ещё сильнее.

— **Ты по-прежнему записываешься дома на отечественной и “самопальной” аппаратуре... Не хватает денег записываться на студиях?**

— Она не совсем самопальная. Она достаточно хорошая. Все деньги от гастролей у нас идут только на музыку, на книжки, на инструменты. А пишемся принципиально дома потому, что ну ни в одних условиях никакой студии невозможно чувствовать себя как дома, свободно и раскрепощенно. Когда ты знаешь, что у тебя плата почасовая какая-нибудь, когда в студии находятся совершенно тебе ненужные люди. Ну невозможно в студиях, какими бы они ни были, в западных тем более, сделать духовную какую-то вещь, яркую, живую. Пускай у нас что-то плохо записано, зато живо. Наша музыка складывается из того, как мы живем, как мы пьем чай, водку или что-то еще. Кому-то спать захотелось, он пошел да и уснул. У меня лес рядом с домом. Надоест все, можно выйти и пойти

гулять. Таким образом я записывал альбом “Мертвые”. Я просто часа на два все оставлял и уходил гулять, там что-то понимал, потом приходил и еще писал.

— **Всё-таки в результате музыка получается достаточно грязно записанная, ее просто тяжело слушать.**

— Это совсем не потому, что у нас плохая аппаратура, хотя всякое бывало. Мы специально добивались такого звука, чтобы было невозможно слушать ординарному слушателю, конформисту. Но если музыка на самом деле хорошая, если то, что за ней стоит, — это правильно, слушать будет много людей. Мы не ориентируемся на массового слушателя. Для меня самое главное, чтобы мне это нравилось самому. Не нужны ни дифирамбы, ни ругательства. Я не читаю прессу про себя — просто неинтересно. Таким же образом я считаю: лучшие альбомы — это наши последние, начиная со “100 лет одиночества”. А “100 лет одиночества” вообще считаю без ложной скромности лучшим альбомом всех времен и народов.

— **Ну, несмотря на это, говорят, что ты до сих пор так и не научился в профессиональном смысле как следует петь и играть на гитаре.**

— Я не знаю, что такое профессионально. Мы просто играем так, как нам нравится. Я считаю, что ни один профессионал не сыграет на гитаре так, как, например, я играю. Вот именно так. Меня учили играть, в детстве был даже учитель по фортепьяно, но потом он отказался, сказав родителям, что у их сына нет ни музыкальных способностей, ни дара, ни слуха. Потом я просто, в какой-то момент взял инструмент и понял, как надо играть. Человек воспитанный играет так, как он воспитан. А мы люди невоспитанные и можем и джаз играть, и рок, и панк. Можем и минимальную музыку играть, и шумовую.

“Больше всего мне нравятся Черникова и Натали”

— **Стандартный вопрос: что для тебя важнее в песнях — музыка или слова? Особенно если учитывать, что слова в твоих песнях, мягко говоря, нестандартные...**

— Рок — это одна из форм, самая главная, в которой я максимально себя воплощаю. Но помимо рока есть еще и поэзия. И поэзия для меня даже более важна, чем рок, потому что я себя считаю в большей степени поэтом, чем музыкантом. Скоро, кстати, выйдет двухтомник моих стихов. Я надеюсь, что выйдет.

— **Значит, сначала ты пишешь стихи, а потом к ним уже подбираешь музыку?**

— Это бывает по-разному. В основном это возникает как некий образ, появляется определенная ключевая фраза, на которой строится песня. И, как мясо обрастает вокруг кости, вокруг этой фразы все выстраивается — текст, музыка и т. д. В песне “Поздно” — это одна из лучших песен из последних альбомов — ключевой была фраза “живые звери”. Она появилась после того, как у меня умер кот. У меня вообще в доме живут три кота. И кот, который у меня 11 лет прожил и был прямо как мой сын... Я чуть с ума не сошел. Я был действительно на грани помешательства. Мы многих друзей схоронили из нашей команды. Но люди слишком любят жизнь для того, чтобы быть живыми. “Слишком странный, чтобы жить, слишком редкий, чтобы умереть” — это про нас. У животных нет сознания для осознания смерти. Даже у детей оно есть. Поэтому людей не жалко по большому счету. Просто человек защищен каким-то образом сознанием этого конца. А они нет. И после смерти кота у меня было ощущение, какой-

то безысходности. Это какая-то дыра чудовищная, которая уже ничем не затягивается. Месяца два у меня все это крутилось в голове, пока не возникло, “живые звери — ясные глаза — передозировка на все оставшиеся времена”.

Старший брат Егора Сергей Летов как сессионный музыкант играл с БГ, Курехиным, Шилклопером. Теперь играет с “Гражданской Обороной” и поддерживает коммуно-фашистские взгляды брата.

— **Как ты считаешь, сейчас рок себя уже исчерпал?**

— В той форме, в которой он задумывался и сработал в 60-е годы, он себя, несомненно, исчерпал. За рубежом рок-музыке навязали очень жесткие правила игры. На музыкальных каналах получается такая мешанина — крутят и рэп, и Рики Мартина, и Offspring, тут же панк, тут же какие-то немецкие шумовики. И при этом все это уже никого не шокирует, а значит, не работает. Я считаю, что назрело время для новых форм. Может, это будет действительно какая-то новая электронная музыка, может быть, вообще не музыка.

— **А как ты относишься к нашему шоу-бизнесу? Тебе нравится что-нибудь из современной русской музыки?**

— У нас дома два телевизора, которые постоянно включены и днем, и ночью. Мы целый день просто переключаем каналы. Поэтому так или иначе мы в курсе событий. Ну смешно. Больше всего из того, что мне нравится, это самый идиотский попс. То есть проявление самого дикого кошмарного маразма типа Черниковой или Натали. Это же прелесть. Мы смотрим и умиляемся просто. Ну а рока у нас нет. Если, конечно, можно роком назвать то, что у нас делают земфиры и им подобные орбиты без сахара.

“Коммуно-фашизм”

— **В твоих песнях очень много политической тематики (“КГБ-рок”, “Новый 37-й”, “Анархия”...). Тебя настолько интересует политика?**

— Да, конечно, политика меня интересует. Мы не пропускаем ни один выпуск новостей. Для меня политика — то же самое, что жизнь. Это реальность, и мы в ней живем. Мы в 94-м году вошли в политику и могли сейчас даже в Думе сидеть, была такая возможность. Я понял, что такое политика и как это делается. Это не очень сложно и достаточно интересно. Но каждый должен заниматься своим делом. Так что сейчас я могу только

кого-то поддерживать или давать советы.

— **А от какой партии ты хотел баллотироваться в Думу?**

— Ой, я тогда не скажу. Ну, это будет подстава людей. Политика — это дело тонкое. От радикальных, оппозиционных партий.

— **И чем бы ты тогда занимался?**

— Я работал бы в комитете молодежи или в комитете по культуре. На самом деле я много кем мог бы быть и много чем заниматься. Например, журналистикой или вот одно время даже хотел заняться кинематографом.

— **И какое кино ты бы снимал?**

— Первое, что бы я снял, это “Игра в классики” Кортасара. Я знаю, как бы я это сделал. Но в свое время мы эту возможность потеряли по глупости — все думали, надо подождать, подождать. А сейчас нужны очень большие деньги, которых у нас нет и никогда не будет. Мы же принципиально живем, как все люди. Мы можем, конечно, подзаработать, а потом опять уйти. Это большая разница, чем включаться постоянно в какую-то систему, как бы она ни называлась. Мы свободны.

— **Егор, ты поддерживал и Лукашенко, и Зюганова, и Лимонова, так что довольно трудно уследить за твоими политическими симпатиями и антипатиями. Не мог бы ты как-то прокомментировать последние изменения в этой области?**

— Какие были, такие и остались. Коммуно-фашизм. Я поддерживаю все радикальные партии, и еще я буду поддерживать те партии, которые могут что-то сделать. Которые профессионально действуют. Которые не болтают, не разрушают, а делают. Я считаю, что если партия Лужкова придет к власти, то это будет гораздо лучше демократов.

— **Ты же был, выражаясь совковой лексикой, “антисоветчик”. Теперь твое отношение к коммунизму изменилось...**

— Да раньше, собственно, не было коммунизма, это был тоже государственный капитализм, тоталитарная система. Ничем не отличающаяся по большому счету от американской. Когда я говорю, что я за коммунизм, это значит, что я за новый коммунизм. То, что было, уже вернуть невозможно и не надо возвращать.

— **Значит, нет ностальгии по тем временам?**

— Я у себя дома как-то делал ремонт в кладовке — сделал из нее новую студию. И нашел там, среди древнейших вещей газету “Правда” 75-го года. Ох, как я удивился, когда мы стали с Наташкой читать программу передач по ТВ. Это что-то страшное: “Сельский час”, “Спокойной ночи, малыши”, один фильм и все, спать. Этим, собственно говоря, все и сказано. Если бы не настала перестройка, нас бы не было вообще. Есть такая легенда, не знаю, правда это или нет, что в начале 80-х в Москве была группа “Ленин” — четыре человека, выбритые и одетые, как Ленин. Они играли панк. После первого и последнего концерта все они исчезли в неизвестном направлении. Нас в принципе ожидало бы то же самое после первого концерта в Новосибирске, когда Кузю отправили на Байконур, а меня посадили в психушку. Навечно.

— **После этого, говорят, ты просто не вылезал из психушек?**

— Да нет, это был первый и последний раз. Была, правда, попытка меня туда упрятать. Но я пустился в бег, жил на нелегальном положении больше года. Переезжал с квартиры на квартиру. Мы с Янкой Дягилевой

скитались по стране автостопом, устраивали подпольные концерты. Я был в розыске. Кстати, свои самые известные альбомы я тогда записал. В один из приездов домой, быстро, в три дня, пока соседи не вызвали милицию, записал альбомы “Все идет по плану”, “Как закалялась сталь”. Потом розыск с меня сняли. Может быть, из-за того, что более-менее известный стал.

— **Сейчас у тебя есть какие-нибудь проблемы с властями?**

— Нет, но сейчас очень трудно устраивать концерты в Москве. Дело не в деньгах. У людей здесь устоявшийся бизнес, положение. Профессиональные промоутеры опасаются с нами связываться, боятся скандальной отдачи после концерта. Боятся этого коммуно-фашистского флера, который преследует “ГрОб”, и все искренне думают, что так оно и есть. Хотя в принципе так оно и есть. И за последствия никто не отвечает. Самый скандальный момент был, конечно, в ДК Горького в 1993 году. Тогда было что-то страшное — пять тысяч человек снаружи, которые штурмовали ДК на 800 мест, они выбили все стекла. Как нам сказали, это были самые большие беспорядки после штурма Белого дома.

“Мы не артисты, мы деятели”

— **Вы не можете пожаловаться на избыток внимания со стороны прессы...**

— После каждого нашего концерта всегда имеют место быть большие пресс-конференции, и куда потом этот весь материал девается, я не знаю. Уже на протяжении лет десяти. Издания два-три напишут что-нибудь ехидненькое с поганенькими комментариями. На радиостанциях так вообще существует негласный черный список групп, запрещенных

к ротации, в котором мы занимаем первое место. Единственный был прорыв, когда я в 1993 году выступил в “Программе А” в прямом эфире. Насколько я знаю, у людей там после этого были большие неприятности.

— **За что же вас так не любят СМИ?**

— Да просто мы группа очень обидная. То, что мы делаем, это такое издевательство. Каждый раз, как только нас начинают каким-то образом вписывать в какую-нибудь нишу, оказывается, что мы совсем не такие. То есть мы всегда находимся за гранью ситуации, в которую СМИ пытаются вписать любого артиста любого художника. Хотя мы не артисты, не художники, мы деятели.

— **Недавно “ГрОб” была на гастролях в Америке. Говорят, сначала ты хотел от них отказаться в связи с бомбардировками Югославии и даже пытался выехать с концертами в Белград. Почему вместо Белграда ты отправился в Америку?**

— У нас была ситуация двоякая, можно было отказаться от поездки в Америку. Но мы решили не слабо обороняться, а вести боевые действия на территории врага. Мы пошли в атаку, сделали заявление в Интернете. В Америке же не все янки. Все хором подпевали наши песни. Но мы дали только один концерт, все остальные были сорваны тут же. Сверху пошел запрет по прессе: ничего не писать — ни плохого, ни хорошего.

— **Егор, раньше твоей любимой одеждой была шинель, а теперь ты носишь натовскую форму. С чем это связано? И еще у тебя на кепке написано “Гражданская Оборона”.**

— Форма — это трофей такой. Человек подарил в Америке, который у натовца ее просто отобрал в драке. А шинель я носил для эпатажа. На самом деле она неудобная, длинная и тяжелая. Кроме того, сейчас я стараюсь к себе внимания не привлекать. А то, что у меня на кепке написано “Гражданская Оборона”, так это после этих последних интернетовских возлияний я просто потерял свою шапку. А эта кепка не моя, Наташкина. Мне пришлось кепку позаимствовать, чтобы волосы длинные были не так заметны.

“Не дождетесь”

— **Один из самых интересных слухов о тебе: говорят, что до 1991 года ты вообще не пил, не курил, не употреблял наркотики. Потом что-то случилось, и ты сорвался. Ходили слухи, что это было связано со смертью твоей подруги Янки. Это так?**

— Да нет, я и до этого пил и употреблял. Дело то не в этом. Это просто форма эпатажа, когда на людях появляешься в таком состоянии, когда непонятно, как можно на ногах-то держаться. Это тоже определенное разрушение канонов. Мы отнюдь не очкарики-интеллигенты, которые сидят дома, читают умные книжки и слушают умную музыку.

— **Но многие Янкины друзья даже обвиняли тебя в ее смерти...**

— Ну, это глупости всё. Мы с ней вообще долго не виделись, несколько лет. Редко переписывались и редко созванивались. Она жила совершенно своей жизнью — у нее была своя команда, она писала свои песни, стихи. У нее была своя семья. Она совсем даже не собиралась... и никаких у нее суицидальных не было намерений. Человек-то веселейший был, ужасно любящий жизнь. А все эти разговоры о ее стремлении к смерти... Некоторым людям очень хочется создать определенный миф. Что же произошло на самом деле, я не знаю, комментировать не буду.

— **Кем она для тебя была?**

— Это был друг, брат, сестра, товарищ, мать, жена, дочь, соратник в первую очередь. Соратник по борьбе, как и вся наша компания, но просто женского рода.

— **Помимо Янки и другие твои друзья — Башлачев, Селиванов — покончили жизнь самоубийством. Да и ты не раз говорил, что в самоубийстве для тебя нет греха. Как, по-твоему, это рок-н-ролл неминуемо приводит к трагической развязке?**

— Не знаю. Это слишком буквальное понимание слов. Суицид в моем понятии — это прежде всего убийство эго. Да, для меня нет греха в суициде. Но если это делается не от слабости, а от силы, как в Японии самураи. Или когда не остается другого выхода. Так что суицид для меня, наоборот, воспевание жизни в высшей форме. Человек только на пороге смерти начинает понимать, кто он такой, где он находится, что такое жизнь, что такое любовь. Я сам был очень часто в таких состояниях. А до этого получается одна болтовня.

— **Ну а сам ты тоже предпочтешь неестественный конец?**

— Не дождетесь.

ЛЕТОВ Игорь (Егор) Федорович.

Родился 10 сентября 1964 года в Омске. Младший брат известного авангардного саксофониста Сергея Летова. В 1982 году создал группу “ПОСЕВ”, в 1984-м — “ГРАЖДАНСКУЮ ОБОРОНУ”. Самые известные альбомы “ГрОб”: “Мышеловка”, “Тоталитаризм”, “Некрофилия”, “Все идет по плану”, “Попс”, “Прыг-скок”, “Сто лет одиночества”. Летов принимал участие в записи около 50 альбомов различных (преимущественно сибирских) групп.

В 1993–96-м годах состоял в национал большевистской партии Эдуарда Лимонова. Вышел оттуда после заявления Лимонова о поддержке на президентских выборах Ельцина. В 1996 году активно участвовал в предвыборной компании КПРФ.

ЯНКА (Яна Дягилева, 1966–1991)

Родилась в Новосибирске, после школы поступила (по настоянию вскоре умершей матери) в Новосибирский институт инженеров водного транспорта, но ушла уже со второго курса. Увлекалась песнями БГ и Бичевской. Первые известные стихи датируются 85-м годом. С Егором Летовым познакомилась на Новосибирском рок-фестивале. Некоторое время играла на бас-гитаре в “ГрОб”. Трагически погибла в 24 года.

Артемий ТРОИЦКИЙ:

— Я слушал далеко не все из того, что было записано Летовым, поскольку записано было очень много. Но с точки зрения профессиональной я могу сказать, что большая часть из того, что я слышал, может быть легко и абсолютно определенно квалифицирована как музыкальное графоманство. Я мог бы относиться к “ГрОб” очень спокойно и по-доброму, как я в принципе отношусь к панкам, но в Летове меня крайне коробит то, что это человек с немислимыми претензиями, человек явно самовлюбленный, с высочайшим мнением о себе и своих способностях. Это настораживает само по себе и вдвойне настораживает, когда речь идет о человеке, который притворяется панком. Панк и претенциозность, панк и попытки учить и идеологизировать — это вещи просто несовместимые. Поэтому я абсолютно не считаю Летова панк-рокером. Летов скорее идет от какой-то советской идеологической традиции массовой агитационной песни, в которую он, почему-то решил вложить рок-н-рольные аккорды. На мой взгляд, в качестве анекдота это было бы неплохо. В качестве анекдота, который длится уже 15 лет, думаю, что шутка затянулась. Егор Летов — это типичный полуграмотный человек. Человек, который, с одной стороны, чего-то нахватался и от коммунистических идеологов, и от русских философов, и от западных деятелей как левацкого, так и фашистского плана. Но не понял он всего этого глубоко. Поэтому, когда мне изредка приходится, что-то читать или слышать из того, что говорит Летов, когда он пытается философствовать, — это выглядит просто жалко. С другой стороны, поскольку его философия — это такая люмпен-философия, недофилософия, то она очень понятна таким же, как он, люмпенским массам, таким пэтэушникам-второгодникам. Чем, собственно, и объясняется его немалая популярность среди представителей вот этой нашей люмпен-интеллигенции. Как частный наблюдатель я могу еще к этому присовокупить то, что, будь Летов честным человеком, он давным-давно покончил бы с собой. Поскольку, пропагандируя суицид как последнее окончательно верное человеческое решение, почему-то до сих пор сам этого решения не принял. Вместо него, правда, приняли некоторые другие люди, имевшие беспечность подпасть под его влияние.

Маргарита ПУШКИНА:

— Егора Летова я ценю больше как русского сибирского поэта. Жаль, что он сейчас как-то пропал, и что мало стало слышно о “Гражданской Обороне”. Можно по-разному относиться к его творчеству. Но по крайней мере это человек действия. Это то, чего так недостает всем нашим рокерам. Летов — это вполне естественное явление для нашей страны. То, что он придерживается определенных политических симпатий, так это вполне характерно для того поколения и для того региона. Все его политические альянсы от безысходности, от желания найти какой-то выход. Можно сказать, что “ГрОб” — это наш, русский грязный панк, но по текстам он несравненно глубже, чем его западные коллеги. Слово для нас всегда было важно в первую очередь. Я была на его концертах. Это потрясающе ужасно. Он умеет зацепить публику. Но те, кто ходит к нему на концерты, просто переживают определенный период в своей жизни, когда хочется бунтовать, но потом все это проходит. Конечно, Летова больше слушают в провинции, чем в мегаполисах. И сам он такой провинциальный, чистый человек. С сумасшедшинкой, как все пишущие люди. Летов сейчас продолжает работать на свой имидж. А что еще остается делать, поменять его уже неудобно. Не может же он открыть, например, стоматологическую

клинику. Будет уже не Летов.

Его до сих пор слушают, и интерес к его музыке сохранился, но пик популярности уже прошел, все-таки буржуазные настроения берут верх, другое сейчас настроение у масс.

Филипп ГАЛКИН,
“Наше радио”, программный директор:

— Не существует ни одной радиостанции, где в эфире может звучать группа “Гражданская Оборона”. Эта группа не вписывается ни в один формат. Она слишком бунтарская, тяжелая как по музыке, так и по тексту, и занимает определенную политическую позицию. Все это может негативно сказаться на рейтингах и популярности радио. Все цивилизованные радиостанции проводят исследования среди слушателей и выясняют, какую музыку будут слушать. Среди нашей аудитории в 500–600 тысяч человек, особенную массу которых составляют работники офисов, любителей андеграунда очень немного. Слушатели подобных изысков не прощают. Так что это не личностная позиция руководства радио, а определенный стиль, формат. Хотя мне в свое время нравилась и “ГрОб”, и Янка Дягилева.

Александр ИЛИРИЦКИЙ,
“Эхо Москвы”, музыкальный редактор:

— Нельзя сказать, что на “Эхе” вообще не бывает песен Летова — они периодически звучат в программе Саши Лаэртского. Но Лаэртский по-своему концептуален, и его программа довольно сильно выделяется стилистически из всего того, что выпускает в эфир наша радиостанция. А в формат прочих наших музыкальных программ Летов просто не вписывается. Не входит в наш формат. Поэтому и не звучит — вполне естественным образом.

ПРО ДУРАЧКА
«Прыг-скок», 1990

Ходит дурачок по лесу,
Ищет дурачок глупее себя.

Идет Смерть по улице, несет блины на блюде
Кому вынется — тому сбудется.
Тронет за плечо — поцелует горячо.
Полетят копейки из-за пазухи долой!

Ходит дурачок по лесу,
Ищет дурачок глупее себя.

Зубчатые колеса завертелись в башке,
В промокшей башке под бронебойным дождем
Закипела ртуть, замахнулся кулак,
Да только если крест на грудь, то на последний глаз — пятак.

Ходит дурачок по миру,
Ищет дурачок глупее себя.

Моя мертвая мамка вчера ко мне пришла,
Все грозила кулаком, называла дураком.
Предрассветный комар опустился в мой пожар
Да захлебнулся кровью из моего виска.

Ходит дурачок по лесу.
Ищет дурачок глупее себя

А сегодня я воздушных шариков купил,
Полечу на них над расчудесной страной,
Буду пух глотать, буду в землю нырять.
И на все вопросы отвечать: “Всегда живой!”

Ходит дурачок по небу,
Ищет дурачок глупее себя.

Светило Солнышко и ночью, и днем.
Не бывает атеистов в окопах под огнем
Добежит слепой, победит ничтожный,
Такое вам и не снилось.

Ходит дурачок по лесу,
Ищет дурачок глупее себя.

Благодарим Алексея Коблова за помощь в организации интервью и предоставление фотографий.